

Нина КРОМИНА

ШТРИХ. ПУНКТИР. ТОЧКА

Часть III¹

Мемуар 15. ДОНСКАЯ, 6

Сложилось так, что в скором времени после выхода из декрета мне пришлось покинуть пищевую библиотеку и перейти на другую работу. Это дало возможность устроить моих детей в ведомственный детский сад, где, как мне казалось, уютнее, чем в районном, в котором уныло серели облупившиеся стены и горели печальные лампочки. В ведомственном — светло, чисто. Конечно, воспитательные программы и здесь, и там совпадали, и детишки даже в младшей группе в дни государственных праздников ходили по кругу и, размахивая флажками, скандировали: «Ленин. Партия. Коммунизм». У некоторых взрослых от умиления в глазах я замечала слёзы, и сама была готова прослезиться от непонятого чувства. Мне и сейчас трудно его объяснить. С одной стороны — удивление и неприятие этой муштры и политики, с другой... Вот твой сынок, такой малыш, чистенький, аккуратненький, в белых колготочках, за которыми простояла почти весь выходной в очереди, идёт ровненько, не хуже других, и флажками размахивает и почти не картавит. Воспитательница, молодая, светловолосая, подходит и говорит: «Ваш сегодня молодец, хорошо прошёл, а вот вчера упрямился, пришлось на стульчик посадить».

Стульчик — это у Светланы Борисовны самое главное воспитательное средство.

— Дети, на зарядку! Кто отстал? Так нельзя, идём ровно, нога в ногу. Будете ныть, мамкать — на стул посажу. Локшина, что ты ревьешь? А вы, Борисов, Ромин, вы что шалите? Так, на стулья! Руки на колени, сидеть, не шевелиться.

Светлана на детей не кричит. На детей кричать нельзя, они же маленькие. Голос у неё не громкий, но твёрдый.

В группе тихо. Все сидят на стульчиках вдоль стены. Руки на коленочках. Зашла заведующая. «Молодец, Светлана. Вот что значит отличница. Какая дисциплина!»

Заглянула Раиса Андреевна, немолодая, лет сорока, воспитательница старшей группы. Поманила к себе. Прошептала: «Ты не забывай только, что они дети, а не куклы, и инструкции свои позабудь. Попроще с ними, почеловечнее». Светлана губы поджала. «Спасибо. Сама разберусь».

Разобралась ли, помнит ли? А вот сын, повзрослевший уже, с сединой в бороде, как-то подвыпив, в разговоре про жизнь заметил:

— А где ты его этот рафинад видел, уж не в детском ли саду? По мне, так в армии лучше. У нас такая воспитательница была, век не забуду. Светлана Борисовна. Она мне всегда спать на полу велела, потому что я, как усну, на живот переворачивался и руки под подушку клал, я и теперь так сплю, а требовалось лежать на боку и руки — под щекой. Пол холодный, липкий, его перед сном протирали и фортотчку открывали, для свежести. Так я на этом полу и лежал в её дежурства с 13-ти до 15-ти, а когда и дольше, в наказание. Одно хорошо — болел много, а потому часто у бабушки гостил, меня, как заболел, к ней отвозили. Мне у неё хорошо было...

Блаженные дни с бабушкой случались у старшего сына часто, но не всегда. Младший же исправно ходил в детский сад. Жили мы в то время на Донской, в том самом доме, где, по слухам, некогда жил известный философ Мераб Мамардашвили. Возможно, в те же годы, что и мы. Но тогда этого имени я не знала. А вот имя патриарха Тихона (Белавина), находившегося в заточении в Донском монастыре в двадцатые годы прошлого столетия, в который упирается Донская улица, я частенько слышала.

Моего отца и его сестру, тётю Таню, носивших фамилию Белавины, часто спрашивали, не родственники ли они с Тихоном. Тут же, излишне поспешно, словно боясь чего-то, и брат, и сестра отнекивались и дополняли, что однофамильцы. Скорее всего, так и есть, но следует добавить, что когда-то эта фамилия была прочно связана с духовенством, и, по словам тётки Тани, мой прадед по линии отца служил священником. Я же, привыкшая видеть во всём не совпадения, а знамения, с особым благоговением поднималась в монастырскую келью, где прошли последние дни патриарха.

Но до монастыря мы добирались не часто, наши вечерние прогулки заканчивались около Храма Ризоположения² или того раньше. Вспоминается дом на Донской,

¹ Части I и II мемуаров «Штрих. Пунктир. Точка» опубликованы в №3 «Невского проспекта».

² Православный храм Донского благочиния Московской городской епархии. Храм расположен в Донском районе Южного административного округа Москвы (Донская улица, дом 20/6), действующий.

стоявший на чётной стороне, который в те времена назывался «чешским». Он привлек внимание крупными постерами, выставленными в ярких окнах на первом этаже. Виды Праги, католических храмов, замков привлекали внимание и детей, и взрослых. В этом доме жила нарядная девочка, посещавшая тот же детский сад, что и наши мальчики. У неё в ушках дрожали крохотные рубинчики, что привлекало к ней внимание не только детей, но и взрослых. В то время детские серёжки были диковиной, и взрослые любовались, с улыбкой покачивая головами...

Днем в выходные мы часто гуляли в Парке Горького. Кто не знает этого весёлого и шумного места! Оно начинается с Крымского вала величественной аркой с кованой оградой и постройками двух одноэтажных зданий, переходит в широкую аллею, от которой разбредаются аллеи поменьше. Помню, зимой, когда играл и серебрился лёд, я каталась на коньках по набережной, шальной ветер обдувал лицо, и опытный конькобежец, поддерживая меня за руку, шептал мне на ухо что-то нежное и приятное. А позже таяли на губах снежинки, сахарная пудра и поцелуи. Да было ли это?

К сожалению, мои дети на коньках не каталась. Но они любили бывать здесь! Мы проходили в парк не через центральный вход, а перейдя Ленинский проспект, сворачивали к зданию Первой городской больницы, сохранившей великолепные фасады Голицынских времён. Тогда Москва не запиралась на замки с кодами, и мы, спускаясь по узкой металлической лестнице, попадали в шум, гам, веселье. Гремели аттракционы: «Весёлый поезд», «Колесо обозрения», карусели всех сортов, качели, машинки, которыми управляли дети, кареты! Но мы с мужем предпочитали Нескучный сад, в который переходил Парк Горького, и время от времени начинали прогулку с него, обещая своим чадам, что погуляем здесь, а уж потом напрямик по набережной...

Нескучный — моя любовь с юности! Здесь столько таинственного! Сейчас территория благоустроена, отреставрированы постройки, а раньше... Над всем витал дух прошлого. Далёкого и не очень. Вот полуразвалившаяся купальня, вот ротонда, вот взлетел на гору усадебный дом — летняя читальня. Спустившись, попадали на набережную, над которой витал дух Пушкина.

У входа в Нескучный долго громогдился Бык — останки Всероссийской сельскохозяйственной выставки. Быка теперь, конечно, нет. Всё остальное — красота времён Собянина! Нет, не подумайте, я только «за»... Лишь Ванная домика да грот никак не могут вписаться в общий культурный ландшафт. (Как-то, уже в настоящем времени, я решила прогуляться по Парку Горького. Увы, ни аттракционов, ни веселья. Серые, продуваемые ветром пространства. И никакой радости. Возможно, это возрастное...) Многое изменилось за прошедшие годы в Москве, и часто то новое, что появляется в городе, старым москвичам не по душе.

Наверно, и комнатки на Донской, где сложилась наша семья, теперь гордятся своей новой красотой! Квартиру, где мы когда-то жили, всю целиком, в девяностые годы выкупили богатые люди. Но ещё до этого мы съехались с мамой. После смерти отца она ездила в далёкую новостройку лишь для того, чтобы протереть в квартире пыль. В каникулы брала внуков к себе. У нас ей не нравилось. Коммуналка! Но и жить одной тоже не хотелось.

Иногда и мне казалось, что пора что-то менять, хотя с соседями мы не ссорились. У Розы и Шамяля — два мальчика. Они играли вместе с нашими, бегали по длинному коридору; вечерами я крутила для них фильмоскоп, по надписям к картинкам они учились читать. Детские праздники, деды Морозы с подарками, самодеяльные спектакли. Развлечением для детей служили стремительные кортежи, пронесившиеся по Ленинскому проспекту, вид на который открывался из нашего окна. Забирались на письменный стол и, очевидно, вспоминая праздники в детском саду, выкрикивали: «Да здравствует...» — и добавляли имя высокопоставленной персоны, представляющей своё государство. Помнится, что им особенно понравилось имя «Хафез Асад». В тот день мальчишки долго не давали покоя соседке, тётке Тоне, проживавшей в квартире под нашей, нарушая её покой топотом.

Гонки по коридору шли об руку со спокойными занятиями, после которых дети вырывались из комнаты, как из плена. Иногда, если наши дети засиживались в комнатах, дверь тихо открывалась, и тогда, подталкивая внука, на пороге со словами: «Иди поиграйся», — появлялась их бабушка Бабибиджан, или, как мы называли её, баба Катя. Стоило кому-нибудь заболеть, она приносила нам кружку со смородиновым компотом, ставила её на стол и добавляла: «Сладкая вода». Пекла вкусные беляши, предварительно поджарив в плите расплозавшихся тараканов. (Тараканы донимали не только в кухне: они прогуливались даже у подъезда, такой бич!) Несколько раз в году к бабе Кате приходили все её дети, она была матерью-героиней и вырастила не только своих, но и детей мужа, овдовевшего в первом браке. На эти праздники всегда приглашали и нас.

Её сын Мясум, Митя, в прошлом спортсмен и студент какого-то вуза, с возрас-

том запил, и его друзья как-то напугали меня, ворвавшись в квартиру. Митя работал клепальщиком на авиационном заводе и слыл незаменимым работником. Помнится, как-то, когда он не смог пойти на работу по причине тяжёлого похмелья, сам директор прислал за ним личную машину, поскольку без него ну просто никак!

Мемуар 16. НОЧЛЕЖКА

Съехавшись с мамой, мы перебрались на окраину в Северо-Восточный округ.

Ездить оттуда на работу первое время было очень трудно: метро далеко, в автобусе давка. Но ничего, пережили. Правда, лишилась переднего зуба. Какой-то крепьш, прорываясь к выходу, так работал локтями, что удивительно, как не свернул челюсть. На работу приезжала уставшая, как и многие мои сослуживцы. Но нам повезло: в то время только-только вышли из печати воспоминания Леонида Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», и утро начиналось с отдыха: политчаса, на котором громко читали и обсуждали эти произведения. Теперь всем известно, что Леонид Ильич действительно автор этих текстов, хоть и не писал их...

Как ни странно это звучит, но местом моей работы на некоторое время стала ночлежка. В советские времена Хитровский переулок носил имя Максима Горького. И из подслушанных рассказов экскурсоводов я и работавшие со мной дамочки полагали, что дом три дробь один — та самая ночлежка, где происходит действие в пьесе «На дне». Конечно, подвал перестроили под учреждение, но остались тяжёлые своды, сырость, каплями собиравшаяся на потолке, неровные с пузырями стены, покрашенные серой, местами обвалившейся краской. Узкий коридор, тонкие перегородки, три небольшие комнаты, в конце коридора — подобие кухни. Здесь на широком подоконнике стоит электроплитка с завитушками спиралей, электрический чайник. В комнатах — канцелярские столы, шкафы, папки. Вот вам сценка — кусочек той жизни.

В одной из комнат, справа от входа — зарешеченное окно, в которое иногда заглядывает солнце и видно, как иногда проходят чьи-то ноги. На подоконнике — два чайника, для заварки и для воды. Оба не первой свежести. От окна справа — симпатичная молодая женщина. Это Любаша. У неё тёмные волосы — каре, как у французской певицы Мирей Матье, и розовые щёки. Её мама родом из деревни, и поэтому Любаша ещё сохранила природную свежесть. Она любит розовое: зимой носит розовую вязаную шапочку, летом — розовую с белым маечку, и даже зонт на распродаже выбрала розовый. Кажется, что она вся розовая, и это розовое у неё изнутри.

Рядом с окном, вернее перед ним, мой стол, я сижу спиной к окну, поэтому меня всегда продувает, и часто болит шея. Напротив стол начальницы — Нины Ивановны. Она перелистывает толстые журналы и самое главное отмечает в них карандашом. Её родители, так же как и Любашины, — из деревни. Нина Ивановна — русская красавица, вот кому стати не занимать!

В тёмном углу комнаты стол Элеоноры Николаевны. Она москвичка, а потому бледна и грустна. Справа от двери сидит ещё одна Нина. Нина Тимофеевна. Она недавно переехала в Москву из Белгорода и ещё не привыкла говорить по-московски. Любаша её часто поправляет.

Н и н а Т и м о ф е е в н а. Любаша, не ложи свою ложку на подоконник, а то вечно срач разводите.

Лю б а ш а (*тихо, без интонаций*). Научитесь говорить правильно, тогда и поучайте.

(Начинается ссора. Нина Ивановна просит не ругаться, она любит, когда всё хорошо и дружно, я и Элеонора Николаевна поддерживаем её. Входит Галина).

Г а л и н а. Нина Ивановна, почему вы в обзоре опять указываете зарубежные недоступные источники, ведь говорили же, чтоб брать только своё, отечественное.

(Должность у Галины важная, она — директор библиотеки, впрочем, это одно название, на самом деле она просто Галя. Она коротенькая, толстенная, а талия у неё — осиная, говорят, таких мужики любят. Нина Ивановна должного отпора ей дать не может, поэтому краснеет. Время приближается к обеду, обитатели ночлежки начинают препираться, кому идти за хлебом, чай они пьют сообща. Всем лень).

Н и н а И в а н о в н а (*она здесь самая главная и за всё ответственная. Со слезами на глазах*). Всегда я, всегда я.

(Одевается, берёт сумку и исчезает в дверях. В комнате появляется Марина, она очень маленького роста, худенькая, занозистая).

М а р и н а. Куда это вы Нину Ивановну отправили?

Лю б а ш а. Сама пошла. Хлеб кончился.

Г а л и н а (*хлопает мелкими подкрашенными ресницами*). Давно пора эти совместные чаепития прекратить. Я всегда свой завтрак приношу.

(Обычно Галина сидит в комнате слева от входа и не отвлекается от пишущей

машинки, даже когда ест «свой завтрак». Одновременно она успеваёт громко посмеяться, рассказать, как в Ленинке, где она раньше работала, всё замечательно, какие там работают тонкие культурные люди. Она также рассказывает про сына, какой он умный и какие у неё гадкие соседи.

С бумагами и папками входит ещё одна молодая женщина, тоже Любовь, но уже с отчеством. У неё своего стола нет, поэтому она сидит за одним столом с Ниной Ивановной, на краешке. Она убирает свои бумаги, журналы раскладывает на столе бумажную скатерть, вырезанные из бумаги ажурные салфеточки.

Любовь с отчеством в ночлежке недавно, но уже повесила на замызганное окно свою кисейную шторку с замысловатыми оборками, вырезала вот эти салфеточки, сказала, что на следующей неделе поклеит новые обои. Она здесь человек случайный. Обеспечена, домовита и грустит о своей кухоньке. Руки у неё крепкие и твёрдые, на кистях жёлто-коричневые пятна. «Это от химии, я ведь после школы на химзаводе работала».

Она берёт чайник и выходит в коридор, чтобы поставить на плитку. В дверях сталкивается с Ломовым, который заехал на машине проведать своих подопечных, его кабинет в другом помещении, и предлагает ему чайку).

Л о м о в. Какой чай, я же из министерства прямо, спешу к себе, меня там народ дожидается. Так, мимо ехал, думаю, заехать надо. А эта где? (*Показывает глазами на стол Нины Ивановны*).

Л ю б о в ь с о т ч е с т в о м. Придет сейчас. Вышла.

Л о м о в. А... ну, глядите, не балуйте тут. Обзор-то сдали?

Л ю б а ш а (*тихо*). Да, ещё на прошлой неделе.

(Нина Тимофеевна ужом вьётся).

Н и н а Т и м о ф е е в н а. Дмитрий Иванович, Дмитрий Иванович, мне бы тут шкафчик, вон туда — для обзоров.

Л о м о в. Какой вам ещё шкаф, вы же стол просили.

Л ю б о в ь с о т ч е с т в о м (*голосом тоньше обычного, криво улыбаясь нижней губой*). Да, у меня ведь места нет.

(Возвращается Нина Ивановна. Красивая. Крупная. Улыбается белозубо и молодо).

Л о м о в. Ну, здравствуй! Как тут у тебя?

Н и н а И в а н о в н а. Да всё хорошо, Дмитрий Иванович, спасибо.

Л о м о в. Спасибо не красиво. Когда в гости пригласишь?

Н и н а И в а н о в н а. Дмитрий Иванович, да хоть сейчас садитесь, чайку попьём.

Л о м о в. Чайку, это уж я в министерстве напился.

Н и н а И в а н о в н а. Тогда на праздники заходите, ждать будем.

Л о м о в. Ну, ладно. Ты тут смотри, чтоб дисциплина была.

(«Не извольте беспокоиться», — шепчет мелкий бес, а Нина Ивановна улыбается и одёргивает кофточку, это у неё привычка такая, чтоб при начальстве стоять прямо и кофточку одёргивать. Ломов уходит, за ним спешит Галина, в дверях что-то «напевая» ему. Он идёт в соседнюю комнату, где сидят зарубежники. На этих он зол).

Л о м о в (*про себя*). Им, понимаешь, места не хватает, ходят через день, всю комнату шкафами испоганили...

Г а л и н а (*забегая вперёд, преданно глядя в лицо Ломову*). Так ведь труд в удовольствие, Дмитрий Иванович, вот я от машинки не отрываюсь.

Л о м о в. Это хорошо.

— Ну вот, Дмитрий Иваныч за порог, а мы за чаёк, — говорю я.

Выхожу в коридор, подогреть чайник. Там, рядом с подоконником, в стене, маленькое отверстие. Оттуда антеннками торчат усики. С ними я знакома уже несколько лет. Когда увидела первый раз, испугалась, потом подумала, наверно, паучок какой-нибудь или сверчок. Теперь он меня узнаёт, увидит, усиками пошевелит. Иногда кажется, будто он о чём-то спрашивает, а иногда, когда усиками направо поведёт, будто рассказывает что-то. Недавно в интернете я вычитала, что живут-де в старых домах лет по 200-300 такие инопланетные существа, которые всю информацию с людей списывают и в какой-то банк знаний помещают. Может, и правда?..

Приношу чайник в комнату и думаю: «Хорошо. Сейчас чай попьют и побегут по магазинчикам в поисках мясного или галантерейного, а тут покана библиографической карточке что-нибудь да черкану... про день сегодняшний и день вчерашний. Моему сердцу ближе монистовый перезвон дрожащих листьев, соловьиные трели, но о них всё сказано, и сказано хорошо, лучше и не скажешь. А о ночлежке нашей — Алексей Максимович... Разве что добавить про красные носки, сосланные к нам из министерства или красавчика с ключами на пальце и тонкими сигаретами, которому и стол сразу нашёлся, и стул. Да только сидеть он на нём не собирался. И как только что-то ему не понравилось, встал и вышел. Навсегда».

Однажды зашёл Толя, под нашими окнами он с небывалым усердием орудовал

летом метлой, зимой скребком или лопатой. Долго извинялся, вытирал ноги о мятую тряпку у входной двери.

— Я только на минуточку, очень хочется посмотреть, как тут теперь, я ведь здесь жил. А вот это мой подоконник. На нём и лежал, когда немцев ждали. Дали мне ружьё, показали, как стрелять и сказали: «Жди», — а сами ушли. Мне тогда только четырнадцать исполнилось. Два дня с него не сходил, не ел даже. Слава богу, не дождался. Во время войны один во всей квартире и оставался, кто умер, кто уехал, а потом опять понаехали. Где вы сидите, пять человек жило, а в той, напротив, трое, а где у вас всё шкафами перегорожено, не помню точно, человек шесть...

А как-то прислали нам начальника. Главного! Над всеми! Но ненадолго, потому что, когда он от министра выходил, то спиной к нему никогда не поворачивался. Вот ему повышение и вышло.

Да, много у нас в ночлежке народу перебывало...

И вроде бы всё за давностью лет должно было бы позабыться, но как-то под утро, в полусне явилась мне та жизнь. Будто выглядываю в то окно, на подоконнике которого лежал когда-то Толя, поджидая фрицев, и вижу, как идёт по переулку Нина Ивановна. «Ой, сегодня же у неё день рождения, — вспоминаю я. — А у нас ни подарка, ни цветов, ни угощения». Мы бросились помогать, накрывать на стол, а она говорит: «Нет, нет, вы работайте, я всё сама сделаю». Достает из-за шкафа ватман, он у нас там всегда хранился, стол свой бывший как скатертью накрывает, тарелки, вилки — всё как всегда. Только на столе, конечно, пусто. (Ещё бы, годы-то девятые). Сидим мы, а она на стол смотрит и говорит: «Вот, даже колбасы нет». Взяла нож, да умело так руку себе и отрезала, по локоть. «Хорошо, — говорит, — теперь и колбаска есть, своя-то она лучше». Колбаса и правда была отменная. Все ели, нахваливали...

Только с тех пор мы уже ни Нину Ивановну, ни друг друга не видели: контору ликвидировали, а люди, как те буквы — букашечками, козявочками, — расплозились кто куда: кто на ПМЖ в другие страны, кто пропал без вести, кто головой в омут, кто на свой диван, кто умер, кто состарился, а кто и в люди вышел...

Такая вот история...

Мемуар 17. ДРУГИЕ ВРЕМЕНА

А потом настали другие времена. Отстрадал русский Афганистан, улетел олимпийский Мишка, прорыдал Чернобыль. Ельцина скинули под мост, а потом сделали президентом. Брат защищал Белый дом, и пришло время «Эха Москвы». И я уже не в ночлежке, её прикрыли, поскольку она была союзного значения. Пришлось ездить в далёкое далёко. Автобус, метро, опять автобус.

Служила исправно, отпрашивалась крайне редко и только по великой необходимости. Сначала корпела за машинкой, печатала какие-то обзоры, потом перебралась за компьютер. Казалось, что в это время всё рухнуло и горело синим пламенем. Иногда пламя становилось реальным, и те многочисленные переводы, каталоги и библиографические карточки, над которыми десятилетиями бились мои предшественники, сжигали во дворе. Как я теперь понимаю, освобождали помещения для будущих арендаторов. Мне и моим сослуживцам достались холодные батареи, тусклые лампочки. Героически выносили, кутаясь кто во что, грея руки о чашки с горячим кипятком. Вспоминали рассказы о войне, голодных годах. Многие пыгались заняться торговлей. Деньги приобретали новый смысл! Открывать старый пустой кошелек, который не только давно рвался по швам, но и резал мне пальцы острыми выпирающими стельками, стало невыносимо.

А так как в то время я и многие увлекались садом и огородом, приходилось, кроме обычных затрат, ещё выкраивать деньги на пакетики с семенами. Однажды, покупая очередную порцию надежды на будущий урожай, я так сильно поранила мизинчик, что великодушный продавец не мог не приложить к нему бактерицидный пластырь, предварительно слизав с пальца капельку крови. О, это был очень опытный промоутер, как сказали бы сейчас, он метил в супервайзеры, а потому, пока проделывал все необходимые медицинские процедуры, успел объяснить, как будет прекрасно, если я займусь реализацией этих пакетиков, например, у себя в НИИ, как я смогу не только почти бесплатно выбирать новые высокоурожайные сорта семян, но и получать процент от выручки.

Отказать такому обаятельному мужчине оказалось невозможным, да и мечта о грядках с пышной растительностью уже казалась мне реальной. Теперь мой рабочий день проходил бодро и разнообразно. Быстро выполнив необходимую по должностной инструкции работу, я предавалась своему новому увлечению: обзванивала отделы, знакомых и незнакомых людей, обсуждала с ними сорта огородных культур. У меня появилась клиентура в других НИИ и даже в министерстве. Оказалось, что бизнес

приносит немалые доходы. Задумала пробурить скважину на участке, потому что без полива все мои овощи были похожи на выходцев с того света.

Получив от своего благодетеля добрый процент с продаж столь ценного товара, я первым делом купила новый кожаный кошелек. В соседнем отделе переводчица Ангелина, специализирующаяся именно на этом виде изделий, подобрала специально для меня бумажник-купюрник женский из кожи питона какого-то супермодного иностранного производителя. Вот это да!

Я аккуратно сложила деньги, как когда-то делала одна сотрудница с моей прежней работы, у которой муж работал зубным техником, и радостно выпорхнула из дверей института. В троллейбусе тесно. Какая-то толстая неряшливая старуха с мясистым лицом прижимала меня к пожилому в духовитом пиджаке мужчине с бутылкой пива. Я поворачивала лицо то вправо, то влево, но ни фас, ни профиль не могли найти удобного положения. Пришлось вспомнить любимую фразу рентгенологов: «Вдохнуть и не дышать». Вышла на конечной остановке московского метрополитена, пересела на автобус, где тоже изрядно помяли. Придя домой, прежде чем проверить кошелек и его содержимое, выполнила весь ритуал домашних дел и только глубокой ночью полезла в сумочку, которую наметила поменять со следующей семенной прибыли.

Плакать я не умела, а потому, не обнаружив купюрника, занялась стиркой, которая меня всегда хорошо успокаивала. Правда, домашние принялись ворчать, что мешаю им спать, но, узнав причину моей активности, решили не отвлекать. Спалось беспокойно. Снилось то старуха с толстыми пальцами, то худой несвежий мужчина. Каждый из них держал в руке мой новый кошелек с аккуратно сложенными бумажками. Сначала я видела только их руки. Потом проплыли их лица — больные, у неё одутловатое, серое, у него изнурённое, с желтизной, с ввалившимися щеками. В глазах у обоих показалась такая тоска, что от жалости то ли к ним, то ли к себе расплакалась и проснулась.

Утром позвонила начальнице, отпросилась, сказала, что приду чуть позже, и... пошла в церковь. Нет, безбожницей я не была, про таких говорят: «захожанка», они идут в храм, когда уже нельзя не идти, и ноги сами туда несут. А тут вроде и случай-то несерьёзный, подумаешь — кошелек. Поставила свечки, записочки подавать не стала, потому что не знала имён тех, двоих, и стала просить за них, молиться. И вдруг увидела их лица, уже другие, не как во сне, а будто выздоровевшие.

Выйдя из храма, я запорхала к троллейбусной остановке, заметила любимых синичек на рябине, протянула к ним руку. Одна — самая маленькая — подлетела и села на ладонь, ткнув клювиком в золотой ободок колечка, переплавленного из дедова, с внутренней стороны которого когда-то жило бабушкино имя.

Мемуар 18. ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Увлечение семенами, конечно же, не с неба упало и означало приобретение собственного земельного участка со старым столетним домом. К сожалению, находился этот дом очень далеко от Москвы. Добирались ночными электричками. Доезжали до вокзала московской железной дороги Рязань-2. Вместе с «демонстрантами», вооружёнными рюкзаками, лопатами, досками, шли по тёмным улицам со спящими домами на Рязань-1.

Куковали, сидя на холодном полу, хорошо, если место у колонны было свободным, и тогда, привалившись к ней, дремали или попивали чаёк из термоса. Едва начинало светлеть, вместе с толпой устремлялись к платформе. Там, напирая друг на друга, гадали, где будут двери электрички. И вот, слепя округу, выползал глаз. Тут уж начиналось невообразимое. Казалось, ещё чуть-чуть, и передние ряды окажутся под колёсами. Но, как правило, обходилось без жертв... Утром, под соловьиные трели, если тому сопутствовал сезон, дыша озоном, перебираясь через овраги, добирались до деревни, где ждал дом.

Сложенный из местного кирпича в самом начале двадцатого века, а может быть и раньше, он проигрывал в сравнении с соседними. Даже те, на фронтоне которых выделялись цифры «1904», казались на его фоне молодыми и бодрыми. Слева от нашего, через поляну, стоял деревянный дом, построенный в конце пятидесятых. Жили здесь Анна и Леонгинас. Он же Леон, Алексей Иванович, дядя Лёня. Самые расчудесные наши соседи. Светлая им память.

Анна, Анна Андреевна, вставала рано, ухватами ворочала на печи неподъёмные чугуны, кормила скотину, а после того, как выгоняла в стадо корову, долго стояла на дороге и с тоской вглядывалась в зарастающие травами брошенные усадьбы.

— Нет, — говорила она, — добром это не кончится. Ты гляди, Нина, — никого не осталось. Вон в том доме, — она указывала рукой в сторону, — Храмовы жили, в том Лутонины, в том дед Егор. Ты объясни мне, что они в этом городе наши? Смотри, какая здесь красота. А всё рушится, всё: ни соседей, ни праздников. Раньше что? И

горе вместе, и радость. Да и Лёнька мой стал уже не тот...

Потом у неё начинала болеть голова, она уходила в избу и, задёрнув выгоревшую штору, ложилась на кровать, за печку. Почти каждый день приходила она к нам и, сидя на скамейке около крыльца, рассказывала что-нибудь из своей жизни. Чаще всего о том, как её ещё девчонкой гоняли на торф. Как по колено в воде, сутками лопатила болото:

«Ведро, тачка, опять ведро, опять тачка. В перерыв, минут пятнадцать, не больше, кусок черного, непропеченного, то крошками в кармане рассыпавшегося, то комком — хлеба. Ну, и какие после этого танцы? В награду — ситцевый отрез на платье. Теперь вот вечные носки, самые толстые, будто с ногой срослись, только калоши на них и налезают. Когда во второй-то раз на торф назначили, я уже умнее стала, убежала в Емор, это у нас так лес дальний называли, чаща непроходимая. Там и отсиживалась, отец вечером, когда стемнеет, чтоб не выследил кто, приходил, еду приносил. Ночью страшно было, никогда не забуду. А потом ещё и в Воркуте побывать довелось...»

О том, как её литовец от смерти спас, не рассказывала. Это мы узнали от Алексея Ивановича:

«Шёл однажды в Воркуте со смены, уже на поселении, своё-то тогда уже отсидел, а у самых рельсов светлым пятнышком женщина с ребёнком на руках, и поезд совсем близко. Рванул, успел, прижал к себе. Она вырывается, кричит, еле удержал, но какой же я шахтёр, если с бабой не справлюсь. Так и зажили втроём: я, Аннушка моя и доченька — Любушка, потом ещё дочка родилась, Валентина. Потом вот дом в деревне построили, у неё на родине. Ко мне ехать не захотела. А когда я последний раз в Литву ездил, то тоже чудно было. Только в Вильнюсе сел в такси, а таксист сразу с вопросом:

— Дед, ты литовец?

— Да.

— Тогда поехали к центру, телевизионному, Литву защищать надо.

Мне там ружьё выдали, до самого утра в обороне простоял... Потом к своим поехал, на хутор, хотя из своих только невестка и племянники. Родители, брат давно умерли. Когда вернулся в Аннушкину «Зарязань» и с порога:

— Я Литву защищал! — она сразу же на меня напустилась:

— От кого, ирод, от нас, от русских?

— Не знаю, мать, от фашистов, наверно.

— Лёнька, опять на Колыму захотел? Забыл, как в сорок шестом фашистов бил?

Ты что, против русских?

— Аннушка, ты же знаешь, я Россию, как Литву, люблю.

— А зачем с бердянкой стоял?

— Я, мать, Литву защищал, это моя Родина.

Вот и поговорили.

— Лучше б ты не ездил, как поедешь в эту свою Литву, у меня сердце не на месте.

— Так ты сама хотела, чтоб я пенсию оформил как пострадавший, сама гнала.

— Пенсия это другое дело, это ты за своё прошлое получить должен. А сейчас что?

— Я ведь думал, Литва и Россия — одно. А теперь выходит — порознь. Я, Аннушка, всю жизнь люблю и тебя, и деток наших, и Родину, она мне всего дороже».

Долго шумели в тот день старики, ветер разносил их слова по округе.

А потом Леонгина загрузил, сильнее обычного у него ныло тело, он ворчал на свой «хондрос», который совсем замучил. По вечерам Анна скручивала ему сигарку, потому что руки его почти не слушались...

Напротив нашего дома жил фронтовик по прозвищу Чапай. Тоже Алексей. Приходил к нам вечерами поговорить. На память о нём подарок: две немецкие трофейные пивные кружки, рюмки и старый фанерный шифоньер.

Через дом, в деревянном, жила тётя Шура, маленькая старушка с громадными очками на носу. За ней тётя Маруся, баба Маня, Барановы, Панкины...

В то время во многих избах ещё шла жизнь. В палисадниках цвели мальвы, из труб шёл дымок. По просторной улице, носившей название Голый конец, гоняли коров, водили к сочным травам коз, здесь разгуливали куры, гуси. Далёкие восьмидесятые годы вспоминаются как сон. Теперь — заросли ивняка, высокие травы, выросшие на месте пожарищ, безлюдье. И новое название — улица Овражная, на ней два дома: наш и почти прижавшийся к нему соседский. Его купил наш родственник, внук моей тётушки Зины, пережившей когда-то в этой деревне злую военную зиму.

Удивительно, что этим самым старым домам удалось выжить в тот год, когда полыхала округа. Но случались пожары и раньше. И кажется мне, что случился тот пожар, который мне вспоминается, в августе, под вечер.

Дети — свои и соседские — играли на террасе, я им тогда ещё пирогов напекла с яблоками, и вдруг на улице стрельба. На ум сразу пришли советские фильмы, в которых врываются в деревню и нагоняют страх белые или немцы. Но это из того, что

на подкормку записали, а в жизни — взрывался от огня и разлетался по улице горящий шифер. Выскочили на улицу, дом тётки Шуры полыхал, кричала её внучка: «Бабушка, бабушка!» Бежали люди и по нашей улице, и по соседней, за ведра хватались, к колодезю (вот ведь и колодезь когда-то был). Тут все увидели, кто на что горазд и от кого какой прок. Только дом не отстояли, стали поливать соседний, а ветер прямо на него, всполохи от огня, языки по крыше запрыгали, вот-вот и он загорится.

— Все, все погорим!

Тогда две женщины, две сестры, Анна и Настя, отойдя от толпы в сторону, о чём-то зашептались.

— У тебя есть? — спросила Анна.

— Да.

— Вели Андрею сбежать, пусть принесёт, а то, и правда, все погорим.

Пока Андрей, внучок Настин, бежал, сёстры в стороне от толпы и будто про себя шептали: «Тебя Бога, Отца Всемогущего, усердно молим о доме сём...» — и ещё какие-то слова. А когда прибежал Андрей, что-то из рук его взяли и опять слова чудные нашёптывать стали: «Подуй, ветер, потяни жупел и польмя ни на чьи хоромы, ни на лес, ни на пашню, ни на скотную дворицу, а на полевую былинку».

С этими словами Настя, высокая, дородная, руку подняла, и все увидели в её руке красное, будто лаком покрытое яйцо. Оно, в чистый четверг крашеное, в церкви в святую субботу освящённое, у неё ещё с прошлой Пасхи за божницей хранилось. Бросила Настя яйцо в пожарище, в сторону от домов, к оврагу. И все, кто вокруг стоял, ни глазам своим не поверили, ни ушам. Будто всё стихло. Не стало слышно треска падающих от огня брёвен, огонь утихомирился и не рвался как сумасшедший в разные стороны, ветер совсем унялся. Но уже в следующий миг всё опять ожило: и огонь заплясал с новой силой, и ветер, только дул он уже в другую сторону.

— Ну, слава Богу, — сказала Настя, — теперь уцелеем.

И все опять на неё посмотрели. А она устало взяла свою клюку, которая стояла у дерева, и побрела домой, сторбившись и приволакивая больную ногу.

Уцелел наш дом и в другой раз. Когда уж не просто пожар, а великий огонь метался по улице. Приехали мы на Первомайские праздники, а вместо дома Анны и Леонгинаса — одна печь обгорелая и труба. Внучок, что с нами, за щёчки ручонками схватился и, округлив глаза, покачивая головой из стороны в сторону, запричитал:

— Ой, как я боюсь...

Жители другой улицы, что через овраг, рассказывали, что сошлось вместе три огня: полевой, от кладбища и со стороны домов. «Взметнулось аж до небес». Абдула, он тогда у нас помогал в сельсовете, будто бы сверкнул золотыми зубами и сказал: «Это у вас вечный огонь зажегся!» Старушки, наблюдавшие издали, запричитали и заголосили: «Знамение! Знамение!» А Ольга, председатель сельсовета, вздохнула и говорит: «Это кому вечный огонь, а кому знамение», — и попросила мужа наш дом и соседний опухать. Вот и уцелели. На этот раз яйцо, думаю, не спасло бы...

Так начинались девяностые годы. Электрички ездили без стёкол, со вспухшими животами валялись коровы у скотного двора, колхозные трактора растащили или приватизировали. Кто-то торговал ваучерами, паями колхозников, кто-то сгребал всё под себя, кто-то погибал под пулями.

Мемуар 19. ТАНЦУЮТ ВСЕ!

Помню, вышла как-то из метро и услышала стрельбу, эхом разносившуюся по тихой Ордынке. А через несколько дней в подвал, где работала с некоторых пор, переименовавшись из библиографа в менеджеры торговой фирмы «Танцуют все!», спустились к нам, поддерживая друг друга, две старушки. Одна, помоложе, лет шестидесяти, всё причитала:

— Вот страху-то натерпелись. Мы же от Белого дома недалеко, у нас там при ЖЭКе кружок рукоделия. К нам и девочки приходят, и женщины. И шьём, и вышиваем. А как стрельба началась, ворвались к нам с ружьями. «Уходите, бабки, скорее», — и, разметав наше, к подоконникам. Ну, мы потихоньку, потихоньку выбрались и по домам. А на следующий день приходим — всё вверх дном, грязное. Хорошо, что дома галстуки шьём, — она достала из ветхозаветной сумки с привязанными тряпицами ручками пакет и высыпала на стол бабочки для фрака. — Теперь только этим и живём. Пенсию-то Ольге Евсеевне не платят. Вычитают. Она, говорят, зарплату за кружок получала и пенсию, это не положено. Мы им объясняем, что за кружок тысячу, это какая же зарплата... Хорошо, что я не оформлена. Теперь вдвоём на одну пенсию, — и тихо, полушёпотом, ко мне наклоняясь, — только она не берёт. Вы уж на неё бабочки запишите и деньги ей...

Эти старушки заходили к нам ещё два раза, а потом хозяйка фирмы наши крутого

английского производителя и стали покупать эти бабочки в Англии. И в их галстуках больше не нуждались. А я задержалась в этой фирме лет на двадцать и видела её и взлёты, и падения.

Как-то, в тот же год, когда к нам приходили эти старушки, я, разыскивая нужные товары, попала на Пушкинскую улицу, ту, которая теперь Большая Дмитровка, и там, поднявшись на третий этаж, оказалась в представительстве частной японской фирмы. Узнав, что меня интересуют товары для танцев, с изумлением покачав головами, японцы, мужчины лет сорока, округлили глаза и почти одновременно выпалили:

— Как, вы ещё и танцуете?

— Да, — ответила я не без гордости, — у нас танцуют все!

Часть IV

Прогулка по подмосковному лесу оказалась утомительной. Приходилось перелезать через буреломы, обходить поваленные ураганом, объединенные короедом сосны, пробираться сквозь заросшие кустарником поляны, на которых несколько лет назад росла земляника. Деревья казались тусклыми, обесцвеченными. Даже берёзы, потеряв белизну, выглядели скучно-серыми. Досада и раздражение.

Выбравшись на просёлочную дорогу, с тревогой взглянула на тёмные тучи, нависшие над лесом, дорогой. Успеть бы добежать до машины. Только подумала, а он уже хлынул. С молнией, громом. Неожиданно тёплый, с запахом детства, хвои, тополиных почек, прибитой пыли. Как из ведра! Стекало с волос, струилось по лицу. Промокшая насквозь ветровка, прилипшая майка, хлюпающие кеды. Ощущение наготы, радости, восторга!

Подойдя к машине, оглянулась. Сквозь тучи пробивался поток света, и лес, казавшийся уныло-печальным, ожил, зазеленел, розовым полыхнула охра сосен, встрепнулись берёзы, заблестели листья. Такая радость в мире, во мне!

Мемуар 20. ТАНЦЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ!

Девяностые годы прошлого века резали людей. Когда ножом, когда чем-то иным, но всегда по живому. Казалось, вокруг всё рушится: закрывались заводы, научные институты, дорожали продукты. Выдерживали не все. Кто-то выживал...

Иногда, глядя, как к нашему танцевальному кораблю прибывало всё больше и больше людей, я вспоминала Ноев ковчег. Ещё совсем недавно Михаил писал диссертацию по сверхвысоким частотам, а теперь числился финансовым директором танцевальной фирмы. Моя тёзка Нина Васильевна, артистка, стала приёмщицей в обувном цехе. Удивлял хорошо поставленный голос, чёткая правильная речь. Нечасто такую услышишь. Её сопрано выделялось на фоне стрекота обувных и швейных машин, эхом разносилось по нашему сырому подземелью с запахами кожи, клея, снующих посетителей. Табачный дым окутывал всех и каждого.

Фирма набирала силу! На Садовом кольце, за «Аквариумом» и «Нехорошей квартирой», открыли магазин! Чёрная стеклянная плитка на стенах. Блеск софитов. Экзотические наряды... Однажды из далёких стран к нам прибыли «перья»: боа страуса, марабу, индюка. Такая вот невидаль! Теперь диковинами не удивишь: все флаги в гости, а тогда... Слушок прополз и собрал очередь. Как в недавнем прошлом за всем! Хвостом до арки Булгаковского двора... Прохожие недоумевали. Узнав, что «за пером», выпяливали глаза...

Иногда по случайности к нам, офисным, заглядывали покупатели. Как-то вошла в комнату пожилая женщина с выбившимися из-под платка прядями волос и, обращая ко мне, нервно теребя губы, поведала свою историю: «Понимаете, — говорила она прерывающимся голосом, — у меня дочка инвалид. У неё горбик. Такая робкая. Только танцы и спасают, как наряжу её, выйдет на паркет и всё забудет: и о своём несчастье, и о нашей бедности — я ведь одна её рашу. Вот скоро опять конкурс, а у нас всё старенькое, поистрепалось...» Отвела её на склад, там сотрудники отыскивали что подешевле, со скидками. И женщине радость, и нам: помогли человеку.

Фирма росла! Прошло несколько лет. Распахнулся новый магазин на Новокузнецкой. Белозальный! Расширенный ассортимент: от накладных ресничек и ноготков до танцевальных костюмов, струящихся тканей. Танцевальная обувь, фраки, платья...

Часто приходили известные артисты. Помню Гурченко (её сестра жила напротив нашего офиса, переместившегося из подвала на первый этаж), грустная такая женщина... Приходил Пенкин, большой любитель стразов Сваровски, Валерий Леонтьев, победители танцевальных конкурсов, фигуристы.

В те годы (конец девяностых, начало нулевых) каждое подразделение нашего «клондайка» набирало обороты. В швейное ателье потянулись театры, цирк, моделье-

ры. Здесь я впервые встретилась с увлечёнными своей профессией театральными художниками. Теперь они могли воплощать свои замыслы в жизнь! Ещё бы, ведь всё в новинку! (Не зря Татьяна Романова, наш главный специалист по тканям, выпускница Московского текстильного института имени Косыгина, летала по самому бюджетному варианту на парижские и миланские выставки тканей!) Да, из них можно шить то, о чём раньше только мечтали! Дать волю своей фантазии, реализовать планы! Помню, с каким восторгом рассматривала, мяла в пальцах ткани художник по костюмам Светлана Лагофет! Правда, иногда всё-таки морщила нос: «Все костюмы должны соответствовать замыслу, иначе потеряется идея. Я не могу заменить эту ткань, — требовательным жестом пальца она указывала на картинку в каталоге, — на эту. Она мне нужна сегодня! Вы понимаете?» Я понимала, но что можно поделывать, если поставка ожидалась лишь на следующей неделе. А таможня? Таможня решала всё! Увы, всегда находилась какая-то неточность в документах, и требовался особый дар, чтобы доказать, что всё законно. Особенно сложно это оказалось со стразами Сваровски. Сейчас кажется странным, но в конце девяностых таможня уверенно заявляла, что это бриллианты и они всех посадят за контрабанду. А наш сотрудник, Леонид Гораз, чиркал образцы бритвой, пробовал их на зуб и всё-таки выцарапывал драгоценные коробки из клешней блюстителей.

Леонид, сотрудник коммерческого отдела, в те годы худой и юркий, носился по Москве со скоростью разбушевавшегося урагана. Таскал на себе неподъёмные рулоны тканей, успевал сделать то, что не мог бы сделать никто другой, даже такой опытный специалист, как Анатолий Воронин, начавший работу на фирме сразу после окончания школы. К концу девяностых он мог дать фору любому. Анатолия устроила на работу бабушка. Она долго сетовала на нежелание внука продолжать образование и, глядя в окно, всё думала, к чему бы его приспособить. Она наблюдала, как по двору то пробегают, то степенно проходят «фирмачи», и однажды, спустившись со своего этажа, уверенно вошла в кабинет руководства... А днём позже, перекрестив внука, отправившегося челноком в вояжный тур за товарами, раздумывала: хорошо ли поступила, определив внука в этот балаган, вернётся ли из боевого крещения... Да, так в те времена из мальчиков вырастали мужчины...

А как-то зимой в комнату, где я познавала премудрости танцевальных товаров, ворвалась молодая, лет тридцати, женщина, растрёпанная, несуразная, в курточке до пупа. Представилась Мари-Роз-Женевьева. Прежде чем она нашла то, что принесла, вывалила из рюкзака на стол паспорт, кошелек, мобильник — плохенький, один из первых. И всё лопочет, лопочет. То по-русски, то по-французски, то по-английски. И всё о том, как болен её первый муж Жак-Пьер-Жан (они ещё в Сорбонне вместе учились) и как она, уже после развода, «однажды ехала в РЭРе, ну, это такая парижская электричка вроде вашей пригородной, только подземная, и встретилась там с Анной, ну, мы с ней тоже вместе учились, она-то и рассказала про Жака. Я к нему в больницу. Ой, как же он плох. Почти без тела, зелёный, на лечение надо очень много денег». С этими словами она вытащила куски тканей невиданной красоты: красный кружевной орнамент на чёрной сетке, белое на белом, золотое. Вот, говорит, купите у меня. Деньги очень нужны. Наши специалисты по тканям, продавцы, художники-модельеры налетели и в один голос:

— Да, нужно, очень нужно. Вы смотрите, какое чудо.

И вот она, эта французенка, стала чуть ли не своей. Ей по распоряжению нашего хозяина выдавали деньги под будущие отрезы, которые она привозила позже или передавала через кого-то с оказией...

Много всяких и не всяких заезжало, залетало, приходило. Помню группу разнuzданных в золотых цепях, оголённую даму, пистолет...

Иностранцы партнёры, посещающие торговый дом «Танцуют все» в его славные дни, открывали рты от изумления и зависти. Так всё клокотало! Поминутно входили всё новые и новые покупатели, казалось, что никто не уходил с пустыми руками.

Организаторами этой, я бы сказала, танцевальной империи (поскольку потекли товары из заморских стран по всей новой России, добираясь до северных и восточных её пределов) были молодые мужчины-танцоры, тёзки, хорошо разбиравшиеся в тонкостях танцевальной атрибутики. Под их руководством всё бурлило, работа радовала напором, энтузиазмом. Вскоре один из них, плотный, крупный, шумный, Дмитрий (назовём его Дмитрий первый, поскольку именно он построил фундамент), уехал в Америку. Дело продолжил невысокий, худощавый, шустрый Дмитрий, Дмитрий второй. Он умел собрать вокруг себя людей, обаять зарубежных поставщиков, вкладывался по полной в развитие фирмы. Кипение продолжалось. Под его приглядом бегали, суетились, конкурировали, писали, переводили, открывали новые возможности, обретали новых компаньонов.

Первая жена Дмитрия второго, которая время от времени появлялась на фирме,

сетовала, что живут они скромно. Да, судя по его спортивной шапочке и многолетней курточке, видимо, так и было. На наших глазах в семейной жизни Дмитрия произошли изменения. Его вторая жена, потребности которой казались более амбициозны, чем первой, не только вошла во все дела, но и решила бытовые проблемы совместной жизни. К сожалению, Дмитрий вскоре после вступления во второй брак умер. После его смерти хозяйкой небольшой части бизнеса стала вторая жена. По воле судьбы, я оказалась под её руководством. Потекли скучные пустые дни. Ни былого размаха, ни перспектив. Из финансовых директоров Михаила перевели на безымянную должность — всё и ничего. Я бы сказала — порученца. Меня сначала подержали на прежней должности менеджера, а позже спустили до эйчара (раньше бы сказали — кадровички). Но кадров становилось всё меньше, работа безотрадной. Забравшись по крутой, трапом, лестнице, попадала в свой отсек, где переставляла папки с уже никому не нужными бумажками и предавалась тоске.

На помощь пришла литература.

Мемуар 21. <...>

От Новокузнецкой до Тверского бульвара, где в известном особняке на кожаном диване родился Александр Иванович Герцен, рукой подать. Вот туда я и отправилась в августе 2009 года. Опустошённое суетой и разочарованием «я» требовало обновления! На Тверском, 25 моё сердце, обретая новое пристанище, и ожило, и возрадовалось. Тени известных писателей и поэтов витали в коридорах Литературного института Горького, аудиториях, читальном зале. Это создавало ауру! Когда-то некоторые из них здесь блистали на вечерах или заседали в президиуме, а кто-то ютился в каморках советского общежития. Двадцать лет прожил во флигеле, ставшем отделением заочного отделения института, Андрей Платонов. В комнате Платоновской аудитории Литинститута, где проходили творческие семинары, его портрет висел так, что входящие чувствовали на себе взгляд писателя. Добрый, умный, немного печальный. Здесь, в Литературном институте имени Горького, в возрасте шестидесяти трёх лет, я стала студенткой, вернее слушательницей, так называли нас, обучающихся на Высших литературных курсах. Старше меня был только прозаик Виктор Петрович Слинко (Славянин), к тому времени публикующийся автор.

Начинал он в семидесятых, даже учился в Лите, но что-то у него с институтом не срослось (как я понимаю, у Виктора Петровича с советским строем не всегда случались совпадения). И вот теперь он навёрстывал! Догнать его никто не смог. Многие остались в малой прозе, а он шагнул в роман «Время незамеченных людей».

Первые встречи с Виктором Петровичем меня обескуражили. Большой, шумный! Казалось, что существует только он! Кто-то, глядя на него, жался по углам, кто-то вступал в жаркую дискуссию. Как ему хотелось передать нам своё мастерство, азарт писательства! «Три часа писать, три часа читать. Чехова, Чехова», — напутствовал он. Или вопрошал: «Идея, идея. Где у вас идея?.. Что вы пишете «дерево»? Деревя вообще у писателя не существует. Какое дерево? Берёза, сосна?» Забегаю вперёд: позже, когда в 2019-м я и Елена Яблонская дерзнули организовать группу Литературная лаборатория «Красная строка», Виктор Петрович не только поддержал нас, но и стал активным участником встреч. Его проект «Почему так, а не иначе» мы продолжаем и сейчас, приглашая авторов наиболее интересных произведений. Как-то на одной из встреч я познакомила Виктора Петровича с рязанской писательницей Лидией Терёхиной. Прочитав её рассказ, он воскликнул: «Талант, какой талант, но без огранки», — и тут же вызвался помочь, дать несколько уроков (обратите внимание — бесплатно). Я возила Лидию к нему, а потом началась их переписка... Просматривая записи с его выступлениями, я невольно сравниваю поведение знакомых мне людей раньше и сейчас, в год пандемийный. «При написании произведений обратите внимание, — говорил Виктор Петрович, — как меняется психология и поведение людей в периоды несчастий, покажите это!» Да, да, как же он прав: вот соседка с первого этажа, она ли не холила садик под своими окнами? Сад непрерывного цветения. С раннего утра она то с граблями, то с лейкой. Как она любила рассказывать о своих цветах. А теперь? Уже второй год не открывает окна, чтобы выйти на улицу — и речи нет. Зашторенные окна и только узкая щель — форточка. И заброшенный, заросший садик... Увы, я могла бы привести здесь много примеров...

Руководитель нашего семинара писатель Андрей Воронцов, ощущая талант Виктора Петровича Слинко (Славянина), лишь иногда, смущённо улыбаясь в усы и бороду, делал замечания при обсуждении его текстов: «Ну, это ты уж, Петрович, слишком...» Честно говоря, если по какой-то причине Петровича вдруг не оказывалось на обсуждении, многие, в том числе и я, с облегчением вздыхали. Был горяч и справедлив! Под его взглядом съёживались. Как ни странно, меня он упрекнул лишь однажды, за то,

что в моём рассказе рыжий метис лайки лежал на кровати в ногах у ребёнка. «Вы хоть понимаете, что пишете, — гневался он, — такого просто не может быть. Не верю!»

Особые отношения складывались у Виктора Петровича с молодёжью. Они к нему льнули. И те, которые с нами учились, и те, которые приходили на встречи. Так совпало, что сейчас, когда я добралась в своём нон-фикшн до воспоминаний о Викторе Петровиче, наша литературная группа, которая по счастью не распалась после окончания ВЛК, готовится к дню его памяти. Он ушёл несправедливо рано, не закончив своей лебединой песни. Ему, по генетическому коду его предков, следовало жить лет до ста.

Мне кажется, что наша однокашница поэт Юлия Великанова в своём эссе о Викторе Петровиче Слинько (Славянине) сказала так хорошо, так образно, что не могу не привести её текст полностью.

Юлия Великанова. ПРАВДА О ЧЕЛОВЕКЕ

10 августа 2021 года ушёл из жизни писатель и педагог, член Союза писателей СССР и России Виктор Петрович Слинько — Виктор Славянин.

Мне повезло учиться вместе с ним в 2009-11 годах на Высших литературных курсах при Литинституте имени Горького. Вслед за этим организовалось Литературное объединение «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России. Его возглавил писатель А.В. Воронцов. Все эти годы Виктор Петрович был постоянным участником встреч, мы обсуждали его произведения, также он нередко высказывал своё мнение о произведениях других «точкинцев».

И вот стало известно, что он ушёл. Не от серьёзной и продолжительной болезни, которой, как все мы знали, Виктор Петрович страдал. «Страдал» — не то слово, нет. По крайней мере, страданий своих он никак не выказывал, это точно.

Рассказали, что случилось это быстро и страшно. Вдруг на даче упало давление, до нереальных цифр — 60 на 40. Отвезли его в больницу в Боровске. Там ему стало лучше. В больнице ему не понравилось, он вернулся на дачу.

А потом, когда снова стало плохо, уже — в Москву, в Скифф, и — не удалось спасти. И ушел, выходит, в сильном внутреннем протесте. Мне кажется, Виктор Петрович во многом был из этого протеста. Очень честного и очень сильного.

Та правда, которую он хотел и не мог не рассказать в основных своих произведениях — его тема — многим не нравилась. Она нарушает наши представления, мы привыкли к другому взгляду на историю страны, на Великую войну. Кажется, что в наши «новые» времена мы отчаянно хотим правды. Но выходит, что всей правды мы по-прежнему не хотим. В разговоре-интервью, который я успела записать, Виктор Петрович объяснял, что много так называемых военных книг написано на самом деле не о войне. Многое написано поверхностно, без глубинного знания. Да и без внимания к человеку, без правды о человеке.

Важнее всего для писателя Виктора Славянина — человек. Правда о человеке.

Он объяснил верность своей теме так: «Оно пишется в память безвинных, забытых, убитых ни за что людей. Кто-то же должен о них писать! Я не могу не писать. Оно мной владеет».

Нельзя забывать, что точка зрения, убеждения могут и должны быть разными. Читаю тексты Петровича (для нас, «точкинцев», он был Петрович) и слышу честный голос. Голос, которому нелегко было прозвучать. Но он звучит.

Автор изучал материал, много материала. Погружался в эпоху. Искал факты. Искал доказательств своим личным воспоминаниям и своему взгляду на историю. Как бы там ни было, твердая четкая позиция, помноженная на несомненный талант и огромную работоспособность, достойны только уважения и заслуживают честного непредвзятого вдумчивого чтения. Знать надо!

Мы были однокурсниками. Мы, можно сказать, грузили. Были в одной компании, хотя учились на разных семинарах. В память о Петровиче-человеке я приведу три эпизода.

Эпизод первый. Весёлый

Как-то вечером забрели мы — первокурсники ВЛК — в аудиторию второго курса. Там с ребятами отмечал некий праздник жизни очень почитаемый и любимый мною покойный уже Алексей Константинович Антонов. Педагог и поэт, прозаик, теоретик. Важный человек в судьбе многих беспокойных литературных душ.

И вот стали знакомиться. Одно дело — лекции, а тут — неформальная обстановка. Алексей Константинович спросил Виктора Петровича: «А вы — кто же будете?» Ведь годы Петровича были солидными даже для Высших курсов, где учились люди взрослые. И вдруг у Петровича вырвалось: «Я — Дюма-внук».

Эта штука как-то у нас прижилась, он письма свои электронные так подписывал. Иногда мы вспоминали об этом «псевдониме» при встрече.

Эпизод второй. Жизненный

У нас был однокурсник из Узбекистана Вафокул Файзуллаев. Известный теперь у себя на родине поэт Вафо Файзуллах. Мы все вместе ходили после лекций в Макдональдс – Виктор Петрович, Вафокул, поэт Владислав Цылев, прозаик Гульнар Мыздрикова и я. И вот однажды в институте подходит ко мне встревоженный (редкость) и громкий (это всегда) Виктор Петрович и шепчет в голос: «Узбек-то ваш скоро с голоду помрёт... Ты только посмотри на него...»

Вафокул жил в Москве в общежитии, и даже стипендии ему не полагалось. На какие средства жил, можно только гадать. В общем, даже для правоверного мусульманина, соблюдающего все обряды, Вафокул выглядел слишком уж худым и болезненным.

Петрович велел срочно собрать денег (я была старостой) и обещал гордому человеку эту матпомощь впихнуть – что было самым сложным. Насколько я помню – ему удалось...

Эпизод третий. Последний

Мы встретились в декабре 2020 года на Курской, возле метро, по дороге на очередную встречу «Точек» в библиотеке Юргенсона. Планировалось обсуждение произведений молодой писательницы из Смоленска и разговор о второй части романа-эпопеи Виктора Петровича «Время незамеченных людей». Мы пошли на автобус. Ходить пешком ему было, конечно, непросто.

Разговорились о предстоящей встрече. Времена у нас смутные, карантин, полукарантин. Запреты, частичные запреты. Собираемся в библиотеке, и в прошлом учебном году наши традиционные фуршеты в конце каждой встречи пришлось отменить – запрет.

Петрович говорит: «Я свою традиционную фляжку прихватил». (В ней домашняя настойка, крепкая, он ее дома под столом держал, в огромной бутылке). Кажется, традиционного пирога с капустой в тот раз при нем не было. Пирог его ручной работы, которым он не раз нас угощал, был выдающийся!

Говорю ему:

– Так и так, сегодня посидеть не дадут. Сухой закон на новый лад. Пандемия.

– А это, Юлия, всё как Бог даст. Понимаешь? Не захочет Господь, значит, всё по Его будет... – такой был ответ. Неожиданный.

От него было странно слышать такое. Он всегда был предельно земным, балагуром, остряком. В эссе пару лет назад я назвала его «весёлым хулиганом». И вдруг – «воля Божья». Запомнилось это.

Часто рассказывал Виктор Петрович о своих учениках (занимался с ними частным образом). И ведь с пользой! Андрей Лисьев, «точкинец», который уже после ухода Виктора Петровича «признался» в соцсетях, что был его последним учеником, сейчас делает большие успехи на писательском поприще. Думаю, что это – не без влияния творческой мастерской, пройденной с Петровичем.

Помнится, Петрович неоднократно критиковал принятую в Литинституте систему обучения – общие обсуждения в семинарах. Это очень мало даёт. Недостаточно. Надо больше практики: каждый достойный текст вместе подробно разбирать – ведь важны детали, знание предмета и многое другое, что нужно понять ученику о писательском мастерстве.

Всё сетовал: «Пишут-пишут вроде, учатся, а никак не поймут, что такое литература»...

Сам постоянно много работал. В последние годы он писал каждый день, с 10 до 17 часов. Норма – три готовых листа в книгу в день. Первая часть романа «Время незамеченных людей», опубликованная в журнале «Невский проспект», вошла в длинный список премии «Ясная поляна-2021».

Красивый был человек. Неудобный многим. Прямой и честный.

Резко всё выскажет. Но только что касается творчества, никогда не переходя на личности. А потом сам к раскритикованному подойдёт, нальет, тост поднимет и пилёлю свою смягчит. Начнет советы давать – как писать лучше. Да разве ж кто слушал внимательно?! Так всё, в шутку переводилось, в застойный треп. Надеюсь, что многое всё-таки отложилось, посеялось в нас. И даст свои всходы.

Этим летом я осиротела. Если ушедшая 14 июля поэт, критик и педагог Людмила Вязмитинова была моей литературной мамой, то Петрович, так выходит, был моим литературным отцом. Верил в меня, я это помню. Не забуду, как однажды получила от него творческое благословение.

«Дюма-внук», отпрыск плодovitого и талантливого семейства французских романистов, – это всего лишь остроумная шутка, конечно. У него ведь и псевдоним был – Славянин. Любил. С болью. С тяготой. С протестом.

Трудным патриотом был Виктор Петрович Слинько. Виктор Славянин.

Настоящий писатель, с чьим творчеством ещё предстоит познакомиться широкому читателю.

Много было тёплых грузеских застолий, много мудрых тостов. Запомнился такой — всем нам на память о Петровиче: «За то, чтобы вы в себе искали талант человеческий!»

Я буду искать! И — помнить.

14 августа, 6.55,

побережье Средиземного моря, Аланья-Манавгат, Турция

Из моего дневника: «11 декабря 2021. Вчера наши «Точки», как обычно в последнее время, собрались в Нотной библиотеке им. П.И. Юргенсона. Встреча была грустной и душевной. Посвящена памяти Виктора Петровича и Игоря Чичилина.

Андрей Венедиктович, в тёмном костюме, при галстукке, в своём выступлении упомянул, что в последнее время от коронавируса ушло много людей из его окружения. В адрес Виктора Петровича сказал много умных, добрых слов, поделился своим воспоминанием о том, что когда Виктор Петрович пришёл на его семинар Высших литературных курсов, то он оказался в сложном положении. Перед ним, среди молодых и относительно молодых ещё неопытных авторов — состоявшийся писатель, член Союза писателей России. Пришёл учиться в возрасте шестьдесят семь лет! «Это заслуживает уважения! В начале в художественных произведениях Виктора Петровича было много публицистики, но позже углубился в художественность, что придало текстам большую достоверность. Без него «Точки» мало представимы, он понимал и поддерживал атмосферу дружбы, любви. Человек прямой, честный, не терпящий хамства (случись что, мог и ударить). Внешнее (высокий, кряжистый) соответствовало его внутреннему. То, что принёс в наше содружество, память о нём, надо сохранить».

Катя Осорина, в тёмном костюме и яркой кофточке, прямая спиной и лёгкая в словах и жестах, выступала после меня, сказала, что Виктор Петрович у каждого свой. Она всегда будет помнить его внешнюю неординарность, как он входит в аудиторию, вальяжный, внимательный к женщинам. «Но одновременно с этим — злобный критик. Когда обсуждали очередное произведение, часто говорил: «Я прочитал это с большим интересом, и это отличный пример того, — (пауза), — как не надо писать». Всё в Викторе Петровиче было классно, к месту!»

Евгений Касаткин, тоже в чёрном. Он всегда в чёрном, думается, что это его сценический образ, ведь он артист театра «Голос». Мне кажется, Евгений сказал самое главное. О том, что с уходом этого человека ушло что-то огромное, большое, заполнявшее пространство, в котором мы существуем. «Мы ещё не до конца осознали, насколько осиротели. С нами остаются его книги и наша память. Меня всегда поражала в Викторе Петровиче его потрясающая харизма, фактурная внешность. Мимо таких людей нельзя пройти. Когда впервые увидел его, решил, что это маститый писатель. Я восхищался им, его артистизмом. Говорил всегда интересно, не разбрасывался словами, каждое слово весомо, грубо, зримо. Умел себя поставить, заставить себя слушать. Личным примером учил нас относиться к слову с уважением, обращать внимание на детали, подчёркивал, что из них состоит правда жизни, отношений, характеров. Жизнь конкретна, и это надо отражать в литературе. Этот урок я запомнил на всю жизнь... Виктор Петрович был талантливый, беззаветно любил литературу, считал её делом своей жизни. В романе «Время незамеченных людей» приблизился к вершинам русской прозы».

Евгений прочитал один из самых сильных в романе отрывков: эпизод с крещением младенца и спасением еврейских детей на украинском хуторе...

Потом говорили об Игоре Чичилине... Совсем другой талант. Писал и прозу, и стихи, и пьесы»...

Однако вернусь к временам более ранним, когда всё начиналось. Нельзя не вспомнить преподавателей ЛИТа! Перечень запомнившихся имён мало что может дать читателю. Для меня же — в каждом — своё неповторимое. Назову несколько.

Станислав Бемович Джимбинов. Потёртый портфель с грудой книг. Экскурсы в зарубежную литературу нового времени.

Карпушкина Людмила Александровна. По-новому о хорошо знакомом. Русская классика.

Сергей Андреевич Чередниченко. У нас он читал современную русскую литературу. Обучил нас приёмам медленного чтения, у него я пыталась овладеть мастерством критика.

Сохранился в памяти Алексей Константинович Антонов. В 2009 году болезнь ещё не скрутила его и он читал прекрасные, запоминающиеся лекции. Иногда свои стихи, очень тонкие, неожиданные, пронзительные.

Несколько раз бывала на занятиях его кружка «Белкин». Остался в памяти один из

них, всё в том же 2009-м. Ноябрьский праздник совпал с днём кружка, но, почему-то не подумав, что и в ЛИТе праздник, а следовательно, выходной, приехала на Большую Бронную. Всё темно и глухо, но охранник, услышав мои объяснения, пропустил. У входа во флигель, где размещалась приёмная комиссия, стояла группа человек пять. Среди них — Алексей Константинович. Нашли аудиторию с незапертой дверью и приступили к обсуждению рассказа. Автор, женщина лет сорока, прочитала рассказ, в котором некто поднялся на чердак, дабы завершить там свои печальные дни с помощью верёвки. Здесь же, на этом чердаке, умирала старая кошка. Автор так умело сплела их судьбы, что, наверно, не у одной меня — мурашки по коже. Антонову рассказ понравился, однако он счёл, что в финале кошечка должна смотреть в чердачное окно и видеть солнечную лужайку, над которой вьются пчёлки. Этот совет удивил меня, но позже, уже немного поднатюрев в литературных исканиях, кажется, я поняла, в чём кредо нашего наставника и иногда следовала ему.

Таким получился и один из моих первых рассказов «Скворцы прилетели», получивший диплом лауреата Платоновского конкурса Литинститута в номинации «Сокровенный человек». Этот рассказ Алексей Константинович нашёл очень удачным, о чём часто говорил мне. Последние встречи с ним, уже после окончания ВЛК, были печальными, поскольку он тогда уже сильно болел. Как-то, подходя к институту, где я продолжала набивать шишки на курсах литературного мастерства, у проходной случайно встретилась с Алексеем Константиновичем. В то время о нём ничего не было известно, то ли уехал, то ли умер. И вот он — живой, глаза с весёлыми искорками, радуемся взаимно, рука в руке. Доверительно и тепло.

А вот уже март, и ещё одна встреча. Около заочки. Вспоминает моих «Скворцов». Хвалит... Написал о них и о других рассказах моих однокашников по сборнику рассказов «Точки» статью. Андрей Венедиктович Воронцов (руководитель нашего семинара на ВЛК, позже на курсах литературного мастерства и ЛИТО «Точки») разместил её на своём сайте, опубликовал в «Литературной газете», включил в готовящийся к публикации в 2019 году сборник «Точки. Избранное».

И ещё раз встретились. В «Книжной лавке писателей» на Кузнецком мосту, где выпускница ВЛК Ольга Суркова, организатор «Литературной гостиной», проводила в допандемийные времена встречи с авторами и презентации книжных новинок. В тот раз представляли мою книжку «В городе и на отшибе» и Елены Яблонской «Крым как предчувствие». Пришёл. Говорил добрые слова. Попросил книжки на память. Обычно я фотографирую встречи в «Книжной лавке», а в тот раз рука не поднялась: как-то неудобно было снимать Алексея Константиновича, уж очень был плох.

Алексей Константинович отличался от многих преподавателей ЛИТа: не проплывал над студентами, а был где-то рядом, на какой-то общей волне, поддерживал участие, интересом к творчеству. Уверена, что память о нём долго будет жить среди выпускников и студентов, и у каждого он будет свой, сокровенный.

Здесь я дерзну привести свой рассказ, отмеченный «Платоновской премией»:

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Уложив Наташку на старую, ещё брежневских времён кушетку, укутав её бабkinым ватным одеялом, Николай подошёл к печке, открыл дверцу, зажёл спичку, погнёт к коре. Огонь облизал поленицу, разгорелся.

— Вот так бы всегда, хорошая сегодня тяга, — как будто кому-то сказал он.

Но никого кроме малой, наревевшейся без матери, в избе не было. Что в избе? На всей их улице — только он да девчонка, только два дома на всей их улице, его да дачников. Тех ещё ветер не принёс, а дочку как ветром сдуло. «Нет, объявится, конечно, когда-нибудь. Деньжат подзаработает, сколько-нисколько, объявится. Тут дитя её, куда ей без неё. А пока с дедом. Хотя какой я дед — ни седины, ни бороды. Хоть сейчас в женихи, а тут в няньках. Да нет, я что, я ничего, это пожалуйста». А сам кряхтел, держался за поясницу, кашлял.

Вышел на крыльцо в чём был, в рубашке, старых спортивных штанах да тапках на голу ногу. Как всегда, глянул на небо, на готовившееся к закату солнце, на берёзу, которая выросла так, что закрывала полнеба, расставив ручищи над тропкой к калитке, над малиной, над столом, где летом кому чаю, кому стопари. Посмотрел он и на ржавую груду металла, сваленного под берёзой, которая когда-то была его трактором... Надо бы давно её сдать на металлолом, чтоб глаза не мозолила и не травила душу. «Да и окашивать трудно, всё косою цепляешь».

Но до косьбы ещё далеко. Правда, трава зазеленела и серёжки на берёзе объявили — скоро прилетят, скоро прилетят, милые.

Взглянув вверх, где висел слаженный им скворечник, когда-то голубой, яркий, заметил, что тот покосился, как бы не упал...

Вышел за калитку, вот он простор, вот где дышит, вот где и курнуть не грешно.

Но ещё и на скамейку у забора не успел сесть, как увидел: под берёзой скворчиха на-скакивала на женишка, тот хохлился, лепетал что-то в ответ, будто оправдывался.

— Так, значит, уже тут как тут, а дом-то покосился. Вот она и выговаривает.

И сразу вспомнил своё — как привёз в дедов дом молодую жену, а она ему: «Это что же, я в такой сырости ночевать буду? Да у тебя грибы на стенках растут». — «А я ремонт сделаю, яичко будет». — «И когда же это? Из чего?» — «Да ты не шуми, не шуми, посмотри лучше кругом».

— Так, значит, уже прилетели. Не успел до их прилёта погнать. Ну, ничего, ничего. Сейчас, — Николай притащил из сарая лестницу, приставил к берёзе и не спеша, как он всё теперь делал, стал подниматься. Пока лез, ругал себя последними словами: — Ну, и зачем я так редко перекадины набивал, нельзя что ли их поближе греть к грету приколотить. Корячься теперь.

С трудом дотянулся до покосившегося скворечника, поправил и подумал: «На будущий год надо новый сделать, этот уж совсем сопре».

Не торопясь стал спускаться. Его подгнившая лестница скрипела, шаталась. «И ей пришло время».

Он закашлялся, дышать стало трудно, и вдруг перекадина подломилась, и ему пришлось ухватиться за сук берёзы. Издав сухой хриплый звук, дерево откинуло от себя засохшую ветку, пальцы рук у Николая разжались как-то сами собой, и он упал на груду металла, на ржавые останки былой гордости колхозного строя.

Острый обломок того самого трактора, который приносил ему когда-то доход и славу, царпнул сильно и больно. Он хотел сказать злые слова, которые и словами-то назвать нельзя, которые сами выскакивали из него, но вместо них почему-то шепнулось: «Господи!» — и вдруг увидел над собой какое-то неведомое ему раньше небо. Всё затихло, стих ветер, птичьих голоса будто растворились в воздухе, и даже берёза, его берёза, будто замерла.

И вместо боли в нём родилось удивление и восторг. Сквозь ветки голубело, слегка подсвеченное золотым лучом солнца, небо. Оно распахнулось перед ним, и вдруг земля оказалась где-то внизу: и берёза, и изба, и поля. За зарослями садов краснели уцелевшие от пожаров стены старых домов, весело блестели на кладбище металлические венчики свежих венков, тёмными пятнами лежали надгробья, кривились старые кресты.

Обычное, примелькавшееся, стало великим и таинственным.

Его не удивляло это странное разглядывание земли сверху, оно завораживало. Не удивило даже то, что он увидел: из бани, которая стояла чуть поодаль от их избы, вышла жена, её тело розовое и молодое, круглилось большим животом, за руку она вела светлотелого малыша, смешно загребавшего ногами. «Что это она раздемышь? Сгурела баба и Лёшку застудит». Хотел крикнуть, но звука не получилось, только внутри что-то больно съёжилось и будто разорвалось. И уже не криком, а мукой проплыл перед ним тот мост, на котором тряпьем повис Лёшка, приговорённый кем-то.

— Ю-ль-ка!

— Гляди, отец, дети-то у нас какие справные!

И уже не у бани, в ветвях старого соколя, мелькают качели из какой-никакой доски, привязанной старыми дедовскими канатами, и детишки вспархивают Ленкиным плащом и Лёшкиными вихрами.

— Юлька, возьми к себе, не могу больше, — хочет крикнуть Колька, но немота рвёт нутрь, бросает на ржавое, отслужившее...

«Наташка-то одна в избе, а у меня печь затоплена», — вдруг думает он. Сползает с кучи металла, босой, в разогранной рубашке, испачканной кровью, поползает к избе. Там, за дверью, у соскочившего с печки огня сидит Наташка, маленькая такая девчоночка, только-только ходить научилась, и дует, дует на пламя, как на блюде с горячим чаем...

Добрые слова об этом рассказе сказал в своих статьях о сборниках «Точки» Вадим Алексеевич Салеев, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Артэфакт» (Минск, Беларусь). «Здесь, на малюсеньком литературном пространстве концентрируется в едином синтезе то, что поэт, — слегка перефразируем, — назвал дыханием (у Нины Кроминой — вздохом!) почвы и судьбы».

Статья Алексея Константиновича Антонова (1955-2018) «Точки Будды» (опубликована в «Литературной газете» от 15.05.2013) и статьи Вадима Алексеевича Салева «Глубинный смысл многоточий» и «Отражение или созидание» дают развёрнутый отзыв на сборники «Точки» и определяют их место среди подобных изданий. Для читателей важны предисловия, написанные Андреем Венедиктовичем Воронцовым к каждому сборнику рассказов, поскольку отражают их особенность. Ему мы обязаны многим. Строгий, ответственный, я бы сказала, педантичный. Наш первый литератур-

ный учитель. Именно он поддержал нас, когда, окончив ВЛК, мы стали выключивать у руководства института «продолжение банкета». И что же? В радость нам и тем, кто пришёл за нами, при Литературном институте организовали курсы литературного мастерства, не высшие двухгодичные, на которых учились мы, а годичные. Там мы продолжили свои посиделки. Очевидно, всё-таки рано или поздно расползлись бы. Но случилось горе, которое объединило нас. Ушёл молодой, талантливый Дмитрий Шостак. Красивый, рослый, удивительный в своём мягком, добром общении, необычный в своих текстах с философскими рассуждениями. Ему было двадцать восемь.

Название рассказа Дмитрия «Точки» стало названием литературного объединения «Точки» при совете по прозе Союза писателей России под руководством нашего мастера Андрея Воронцова. Презентация первого сборника прошла в Литературном институте. Присутствовали ректор института (тогда им был Борис Николаевич Тарасов), преподаватели, студенты. Это ли не праздник для пишущей братии?

Несколько лет проводили вечера в актовом зале Союза писателей России на Комсомольском проспекте, 13. Это здание, так же как и Дом Герцена (Литературный институт), славится своей историей и архитектурой. 18-й век! Классицизм! Казаков! Портики, пандусы, колонны! Это место известно москвичам под названием Шефский дом, поскольку предназначался для офицеров и шефа (почётного командира) полка. Когда-то здесь проводили свои заседания декабристы. Теперь — писатели.

После того как писателей «уплотнили», наши встречи переместились на первый этаж, в Шолоховский зал. До ремонта двухтысячных годов это помещение поражало необычным убранством: в нём нас встречали фигуры казака и казачки. Он — в синем мундире, сапогах, она — в голубом костюме, кофточка приталена, юбка в пол, кружевные оборки, косынка, изящные туфельки. Слева от входа имитация печи с разноцветными шторками, окна с кружевными занавесками, кровать с белым покрывалом и подзором. В углу скульптурное изображение Шолохова, на стенах фотографии — виды станицы Вёшенской, музея Шолохова. И, конечно, книги Михаила Александровича в стеклянных витринах. Тепло и уютно! После ремонта домашняя обстановка исчезла, зал стал обыденным и пустым, а наши встречи в скором времени переместились в Нотную библиотеку имени П.И. Юргенсона. Пространство залов здесь располагает к встречам, презентациям, чтению стихов, прозы. Картины на стенах, прекрасные рояли, возможность показа видеосюжетов — всё это привносит дополнительно ауру и создаёт прекрасное настроение.

До пандемии, как я уже говорила, проводили мы вечера и в «Книжной лавке писателей» на Кузнецком мосту, куда нас приглашала организатор литературной гостиной поэт Ольга Суркова. Об этом здании тоже следует сказать несколько слов. В разные времена здесь выступали известные писатели, поэты. Якобы здесь продавцом книжного магазина начинал свой трудовой путь известный русский писатель Борис Зайцев, одно из своих последних выступлений здесь же провёл Евгений Евтушенко. Помнится, что в поздние советские годы рядом с магазином располагался книжный толчок, и тоскующие по хорошему печатному слову могли там за большие деньги свой голод насытить... Мы же, выпускники литинститута и высших литературных курсов, уже в новое постсоветское время по четвергам поднимались по скрипевшей под ногами лестнице в небольшое помещение букинистического отдела, где пахло старыми книгами, и можно было найти много золотых россыпей. Там, расставив вдоль стеллажей стулья, внимали друг другу и, насытившись пищей духовной, продолжали общение в ближайшем «Му-Му».

Как бывает обычно, со временем состав нашей тусовки стал меняться. Кто-то, к кому прикипела душа, сначала появлялся изредка, потом надолго исчезал. Некоторые ушли навсегда. Дмитрий Шостак, Олег Надточей, молодая талантливая Женя Сафонова, Виктор Петрович Слинько, Игорь Чичилин.

Олег Надточей успел издать две книжки. Одну детскую с детективной историей про домашних животных и другую для взрослых «Городские рассказы». Один из них, на мой взгляд очень сильный, «Эта сука Мариванна», Андрей Венедиктович опубликовал в одном из сборников «Точки», перепечатав его в сборнике «Точки. Избранное», где опубликован и рассказ ушедшего в 2021 году талантливого писателя, поэта и драматурга Игоря Чичилина. Игорь по первому образованию — инженер-физик, что он часто подчёркивал. Он умело соединял в своих произведениях реалистическое начало с фантастическим сюжетом. Необычным даром обладала и Евгения Сафонова, оставившая на память близким проникновенные строки, соединившие в себе разные жанры малой прозы: сверхкороткого рассказа, миниатюры, зарисовки, притчи.

Безусловно, вклад этих прекрасных авторов в русскую безбрежную литературу невелик. Но они дороги нам, как капли росы, блеснувшие в лучах солнца.

Будем помнить!

Окончание следует